

В. ГУБАРЕВ

ПАВЛИК МОРОЗОВ

АЛТАЙ

В. ГУБАРЕВ

ПАВЛИК МОРОЗОВ

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1978

Печатается по изданию:
В. Губарев. Павлик Морозов. Москва, Государственное издательство детской литературы, 1948.

Художник Б. Храбрых

Г $\frac{70803-001}{М\ 138(03)-78}$ 53—77

Память о нем не должна исчезнуть.
М. Горький

Глава I

НЕПОНЯТНАЯ ОБИДА

У Якова время от времени постукивали зубы — то ли от ночного холода, то ли от страха. Ежась, шагал он по лесной тропинке следом за Павлом и тревожно поглядывал по сторонам: что, если волк? Правда, говорят, летом волки не нападают, да вдруг какой-нибудь шальной выскочит...

Павел торопился, шагал широко, шлепая босыми ногами и помахивая в темноте куканом с рыбой. Яков с трудом поспевал за ним и ворчал:

— Вот угорелый, вот угорелый!

Был Яков низенький, толстый, медлительный. А Пашка вон какой костлявый да длинноногий — быстрее всех в деревне бегает. Попробуй поспей за ним!

— Тише ты, заводной! — взмолился Яков.

Павел остановился, негромко засмеялся:

— Что, жарко?

— Да, так жарко, что зубы лязгают... А ты, это самое, все одно не беги.

— Неужто замерз? Чудно́! А жиру в тебе мно-ого... Якову почудилась усмешка на лице Павла.

— Жир — это тебе не тулуп, чтоб греть. А у меня вон еще штаны не высохли от озера, гляди-ка.

Они стояли рядом, окруженные темнотой и лесом — высоким, непроницаемым и недвижным. Над деревьями холодным огнем горели редкие северные звезды. Так тихо сейчас в тайге, что кажется: если крикнешь — на тысячу километров пойдет скакать эхо по черным верхушкам сосен и елей.

Павел вдруг дернул товарища за руку:

— Слышишь?

Где-то недалеко потрескивал валежник. Все ближе, ближе. Мальчики притаили дыхание. Вблизи качнулся куст, небольшой зверь выбежал на тропинку.

Яков рванулся вперед, тонко завопил:

— Пашка, волк! Па-ашка!

Спотыкаясь и сопя, друзья стремительно прыгали через кусты и пни, а волк уже совсем рядом, и Якову кажется, что он чувствует на своих ногах его горячее дыхание. Но Павел вдруг останавливается и хохочет:

— Стой, Яшка! Кусака это! Стой же, дурной!

Яков тяжело дышит, опасливо косится на мохнатого зверя, который мирно помахивает хвостом. Теперь и Яков узнал Кусаку — охотничьего пса Василия Потупчика. А вон идет и сам Василий с двустволкой за спиной, высокий и плечистый.

— Ух вы, храбрецы! — басом говорит он.— Чего спужались?

— Дядя Вася, это Яшка крикнул: «Волк»! — оправдывается Павел.

— Ты сам первый побежал,— смущенно бормочет Яков.

— Ничего не первый.

— Нет, первый!

— Ладно, хватит вам! — сердито басит Потупчик.

Но мальчики знают, что он совсем не сердитый. Это голос у него такой — гудит, как в колодце: бу-бу...

— Вы где были?

— На рыбалке, дядя Вася.

— Ну, молодцы! А я далече бродил, тоже набил кое-чего.

Он весь обвешан дичью, шагает тяжело, уверенно. С ним не страшно, пускай теперь хоть сам медведь вылезет.

Путники вышли на просеку, где проходит узенькая дорога на Герасимовку. Теперь до деревни близко — вон на полянке уже и кресты чернеют. Эти кресты стоят здесь давно; один большой, другой поменьше. Подгнили, накренились под ветрами и дождями, но все еще держатся.

Страшную историю рассказывают старики про эти кресты.

Лет тридцать назад, когда Герасимовка была еще совсем маленькой деревушкой, по округе ездили коробейники. Приезжали они сюда, на север Урала, из Екатеринбурга [1], торговали бусами, водкой и дешевыми ружьями, скупали у охотников пушнину по дешевой цене.

Как-то раз молодой герасимовский мужик Арсений Кулуканов подстерег в лесу этих коробейников — купца и купчиху. Выстрелил из дробовика и размозжил купцу голову. А толстая купцова жена выпрыгнула из таратайки и, дико крича, бросилась в кусты. Убийца догнал ее на полянке и прикончил вторым зарядом.

Был Арсений и раньше богатым мужиком, а с тех пор еще больше пошел в гору: построил дом — большой и красивый, с резными наличниками, завел крепкое хозяйство. Сперва его потревожил волостной пристав из Тавды, но убийца быстро откупился награбленным золотом. И в протоколе пристав записал: «Найдены супруги убиенными неизвестно кем».

А Кулуканов поставил на могиле убитых два деревянных креста — наверное, чтобы не считали его злодеем.

Когда Василий Потупчик и мальчики проходили мимо крестов, Яков сказал шепотом:

— Дядь Вась, а ведь кресты, это самое, сгнили... Небось, Кулуканов новые поставит скоро.

Охотник проворчал:

— Я б ему самому крест поставил!

---

[1] Так раньше назывался город Свердловск.

Василий Потупчик ненавидел Кулуканова и ни перед кем не скрывал своей ненависти. Несколько лет он батрачил у Кулуканова, получая за свой труд только харчи. А когда попросил расчет, то хозяин подсчитал так: не он должен Потупчику, а Потупчик ему должен за харчи. И не один Потупчик был таким в Герасимовке: треть деревни батрачила у Кулуканова, и треть деревни была у него в долгу. Хитрый, жадный был Арсений Кулуканов!

Потупчик достал кисет, ловко скрутил в темноте папиросу, чиркнул спичкой.

— Я бы, ребята,— заговорил он, шумно выпуская дым,— взял бы нашего Арсения, кабы моя воля, да и в лагерь к ссыльным кулакам. Там ему компания!

— Дядя Вася, а зачем их сослали сюда?

— А чтобы не мешали. Понял? На Украине да на Кубани мужики уже в колхозы объединились, а кулаки мешали. Вот их и сослали сюда, на север. Ну, а хозяйства ихние в колхозы пошли. Дело, ребята, правильное! — Потупчик говорил громко и быстро, взмахивая большими руками.— Кулак потому и называется кулаком, что чужими руками хозяйство наживает. Понял? Вот возьми, к примеру, нашего Кулуканова. Я на него с двадцать четвертого по тридцать первый год батрачил. Год всего, как ушел. А разве я один такой? На крови да на батрацком поте он и разбогател. А раз не твое все это, отдай народу! Ведь так, ребята?

— Ну, ясно, это самое, так... У него, дядь Вась, и фамилия кулацкая — Кулуканов. Дядь Вась, а когда у нас в Герасимовке колхоз будет? — спросил Яков.

— А это ты у своего дружка спроси.— Потупчик добродушно рассмеялся, положил тяжелую ладонь на плечо Павла.— Слышь, председателенок, когда твой отец колхоз устроит?

Павел не ответил. «Председателенком» Павла шутливо называли в деревне потому, что его отец, Трофим Морозов, был председателем герасимовского Совета.

— Колхоз — это вели-икая сила,— протянул Потупчик задумчиво.— Какую жизнь, ребята, устроить можно! Какую жизнь!.. Известное дело, что́ одному не под силу, то коллективом всегда порешить можно. И чего Трофим тянет, не могу уяснить.

Он остановился, бросил на дорогу сверкнувший огоньком окурок, старательно придавил его сапогом.

— Многое Трофим не так делает, как надо,— прибавил Потупчик со вздохом.— Ох, не так...

— А что, это самое, не так? — спросил Яков и покосился на Павла.

— Он думает, что председатель сельсовета — так ему все можно... Да что ты у меня спрашиваешь? Ты вон у председателенка спроси...

— Ну что ты пристал, дядя Вася! — громко и резко сказал вдруг Павел, и голос у него задрожал.

Яков удивленно потянул приятеля за рукав:

— Пашк, чего ты?

— Не лезь!

Павел круто повернулся и через кусты зашагал к блеснувшим огням деревни. Потупчик остановился, развел руками.

— Постой, парень, ты чего осерчал? — виновато забасил он.

Павел шел, не оборачиваясь. Яков шепнул:

— Не любит он, когда его так называют.

— Так я же в шутку, вот чудной-то! — покачал головой охотник.— И чего тут обидного?

Глава II

ОТЦОВСКИЕ КОНФЕТЫ

Семья Морозовых ужинала. На ужин пришли гости, родители Трофима Морозова,— дед Серега и бабка Ксения, а с ними — девятнадцатилетний Трофимов племянник Данила.

В избе было жарко и душно. Открыли дверь наружу. На свет налетели мошки — болотный гнус. Вокруг жестяной лампы гнус клубился серым роем.

Трофим Морозов сидел распаренный, красный, с хлебными крошками в усах. Рядом с ним — дед Серега с белесыми, посоловелыми от выпитого вина глазами.

Стар дед Серега, седьмой десяток. Голова серебряная, на лице ручейки морщинок. Стар, но еще крепок дед, не сравнишь с бабкой. У той нос совсем по-старчески повис над шамкающими губами, голова ушла в плечи, за плечами — горб. А дед, подвыпив, иной раз еще и сплясать может, ничего, что ноги кривые.

В молодости, при царе, дед Серега жил в Витебской губернии, служил там тюремным надзирателем. Жил в ладу с начальством, копил деньги. А потом переехал с семьей в Герасимовку на пустующие уральские земли, стал обзаводиться хозяйством.

Второй его сын, Трофим, скоро женился, отделился, построил рядом с дедовым двором свою собственную избу. Остался дед с бабкой и Данилой — внуком от первого умершего сына. Хозяйство ладное, а деду все мало, все копит да стяжает и Данилу тому же учит.

...Павел поднялся на крыльцо, заглянул в открытую дверь. Дед хрипловато пел, потряхивая головой и жмурясь:

— Бывали дни весе-лые, гулял я, молодец... и-их!..

Все чему-то смеялись. Тоненько и заливисто хохотал на печи младший брат Павла, восьмилетний Федя. Только совсем маленький, шестилетний Роман удивленно таращил на деда круглые глазенки.

Федя увидел на пороге старшего брата, соскользнул с печки.

— Братко пришел! О, гляньте, карасей сколько!

Дед поднялся:

— А-а, рыболов! Ну, поди, поди сюда, внучек.

Павел на ходу шепнул брату, косясь на сидящих:

— Отец не злой?

— Веселый, Паш, с дедом песни поет.

Отец дожевал кусок мяса, старательно вытер ладонью рот.

— Ты что же, сынок, так поздно?

— Далеко зашли, папанька... На той стороне озера были.

— Смотри, потонешь когда-нибудь. Ну, садись, ешь. Налей-ка ему, Татьяна.

Мать подала миску со щами, села рядом с сыном.

Была Татьяна худой и бледной, прожила она свои тридцать пять лет в постоянном труде, радостей видела мало. В детстве не пришлось учиться: батрачила у богатого соседа. Замужество не принесло облегчения. Хозяйство и дети отнимали здоровье и силы, но в детях находила Татьяна свою материнскую радость. Вон Пашка какой большой и разумный вырос! Лучший ученик в школе. Учительница Зоя Александровна говорит, что ему обязательно нужно учиться дальше. Может, доктором или учителем станет. Домой носит всякие книжки и все читает газеты. И мать

по складам читать и расписываться выучил. Сначала смешно было, думала — впустую все занятия, а потом приятно стало складывать из букв слова и понимать их.

Все бы хорошо, да только Трофим суров с детьми, особенно почему-то недолюбливает Павла.

Татьяна ласково смотрит на сына, поглаживает твердой рукой по его жестковатым черным волосам:

— Не хлебай, Пашутка, быстро — захлебнешься...

Павел ест, обжигаясь и морщась, дует в ложку, искоса поглядывает на двоюродного брата Данилу. Тот сидит, развалясь на скамье; глаза, как у деда, помутневшие и узкие. На верхней губе у него растет, да никак не вырастет редкий рыжеватый пух. Павел знает, что Данила часто скребет бритвой под носом, чтобы усы лучше росли. Хочется ему походить на взрослого мужика. Вот и сейчас сидит он и крутит непослушными, пьяными пальцами папиросу. «Задается»,— решил Павел.

Данила так и не скрутил папиросу: рассыпал табак. Поманил кивком Федю и сказал шепотом, протягивая стакан:

— На... допей.

Федя делает круглые глаза, качает головой:

— Пей сам. Пашка говорит — нельзя ребятам.— И он с тревогой взглядывает на старшего брата.

Федя преданно любит Павла и во всем старается ему подражать. Ведь с осени Павел будет учиться уже в четвертом классе, а он, Федя, только пойдет в первый. И потом еще, Павел — вожак в отряде у пионеров, его все ребята слушаются. Через два года и Федя тоже будет пионером!

Данила усмехается:

— Мало что Пашка говорит... Кто он тебе?

— Брат.

— Так я ж тоже брат.

Федя молчит, соображая что-то.

— А ты не пионер! Вот! — говорит он.

— Пио-онер! — презрительно тянет Данила.

Бабка Ксения грозит ему пальцем, шелестит беззубым ртом:

— Ты чему там Федюшку учишь, разбойник! Садись сюда, внучек.— Она усадила мальчика рядом, приласкала.

Дед Серега весело кивает Павлу:

— Федюшке-то нельзя, а старшому приучаться можно.

Трофим пьяно улыбается, тянется к Павлу, обнимает:

— Сынок, поди ко мне, милый...

Он горячий и потный, от него резко пахнет водкой, но Павел так поражен этой неожиданной, давно забытой лаской отца, что льнет к нему и говорит тихо и растроганно:

— Папанька... папанька...

Мать, улыбаясь, смотрит на них. На ее бледном лице радость.

— Давно бы так... А то совсем забыл, как детей любить надо.

Отец целует мальчика мокрыми губами, подсовывает ему стакан:

— Выпей, сынок, за папаньку. За папанькино здоровье!

— Ему нельзя, дядя Трофим: он пионер,— кривится Данила.

Татьяна вскакивает:

— Трофим! Рехнулся, что ли? Мальчишке тринадцать лет... Не слушай его, Пашутка!

Но Павел нерешительно берет стакан:

— Подожди, мам... Ведь за папаньку!

— Па-аша! — ахает Федя.

Татьяна гневно кричит:

— Трофим!

— Ну ладно, ладно, не буду...— виновато посмеивается отец.— Давай, Таня, чаю...

— То-то — чаю...— Татьяна успокоенно улыбается, осторожно отстраняет прижавшегося к ней Романа, привычными движениями убирает со стола.

— Чай,— говорит дед,— его хорошо со сладким пить. А что у вас к чаю есть?

— Есть кое-что,— зевает Трофим, подмигивая Феде.— Есть сладкое.

Он, покачиваясь, выходит из-за стола, распахивает дверцы шкафа.

— Крефеты! — счастливо визжит Федя.

— Дай, папанька! — так же тонко вторит ему Роман.

— С начинкой! — Трофим прищелкивает языком и, помахивая кульком, закатывается вдруг хриплым смехом.— Привезли сегодня в кооператив, ну, я и взял. А главное — никакого расхода! Председатель Совета!

Он сунул детям по две конфеты. Федя стремительно нагнулся над столом и прихлопнул конфеты ладонью, будто это жучки, собирающиеся улететь. Потом Федя взглянул

на старшего брата. Павел сидел покрасневший и мрачный. Он не прикасался к конфетам.

— Я не буду их есть,— тихо проговорил Павел.

— И я не буду...— сказал Федя.

Все посмотрели на Павла. Отец сощурил один глаз:

— Почему же это ты не будешь их есть?

Павел молчал.

— Ну?

— Потому что... потому что...

— Почему?

Павел ногой нащупал под столом планку, соображая, будет ли она мешать, если понадобится бежать.

— Потому что... зачем ты брал конфеты? — выпалил он, краснея еще больше.— Взял, а денег не платил!

— А денег не платил...— слабо, как эхо, повторил Федя.

— Паша! — вскрикнула мать.

Дед Серега зашевелился, закачал головой:

— Неладно, ты внучек, про отца говоришь!

— А он пускай не делает, чего не полагается! Он думает, что председатель, так ему все можно!

Трофим сурово сдвинул брови. У него подергивался ус.

— Так...— заговорил он в тишине, растягивая слова.— Выходит, стало быть, по-твоему, я — вор?

Он рывком сдернул с рубахи ремень.

— Брось, Трофим! — Дед удержал его за рубаху.— Слышишь, брось! Мал он, зелен... Вырастет — поумнеет.

— Так я тебе покажу, какой я вор! — Трофим рванул затрещавшую рубаху из рук деда, шагнул к сыну.

Татьяна вскочила, стала перед мужем:

— Не тронь Пашку! Слышишь? Не тронь!

Он грубо толкнул жену, взмахнул ремнем.

Павел ждал этого движения и, согнувшись, скользнул в сторону. Ремень стегнул по скамейке. Мальчик распахнул окно, выпрыгнул в темноту.

С минуту Павел стоял у ворот, прислушиваясь к крикам разбушевавшегося отца. У него подергивался подбородок.

С крыльца сбежал всхлипывающий Федя, подошел к брату:

— Пашк... побил... больно.

Потом вышел дед, негромко окликнул Павла:

— Дурень, ведь отец-то пошутил...— Он протянул мальчику конфету: — Возьми. А ночевать, ребятки, вы нынче идите ко мне, а то прибьет вас отец. Смотри — расходился... Да возьми конфету, ведь пошутил он.

Павел в нерешительности помедлил, но конфету все-таки взял.

Глава III

СХВАТКА В ЛЕСУ

Ночью прошел дождь. Но к утру небо очистилось от туч, и солнце засияло над тайгой. Повторенное бесчисленное количество раз, оно сверкало в каждой травинке, в каждом листе.

Дул теплый южный ветер. Деревья мягко шелестели, осыпая крупные капли.

По лесу шла девочка в сереньком платье. Растрепавшиеся светлые косички ее были влажны от этих капель. Шагая по высокой траве, она подтягивала подол платья, и мокрая трава приятно холодила ее загорелые коленки.

На небольшой полянке девочка присела на ствол когда-

то поваленного бурей дерева. Вокруг под ветром шелестела трава, и со всех сторон на нее наплывал веселый гул омытого дождем леса. Пахло цветами и сыростью.

Мурлыкая какую-то песенку и улыбаясь, девочка смотрела вокруг. Рядом с ней на длинный зеленый стебелек опустился большой бархатный шмель, и стебелек равномерно закачался под его тяжестью. Словно балансируя, шмель смешно перебирал мохнатыми ножками, подрагивал стеклянными крылышками. Девочка засмеялась и протянула к нему руку. Испуганный этим движением, шмель взметнулся кверху и, кругами набирая высоту, исчез между деревьями.

Потеряв из виду шмеля, девочка вздохнула, потянулась и, подложив под голову руку, легла на стволе. Лесной гул убаюкивал ее, и она закрыла глаза.

— Вот так ее в разведку посылать! — услышала она вдруг чей-то недовольный голос.

Девочка торопливо вскочила, одергивая платье.

Перед ней стоял Павел с группой ребят.

— А что... я ничего...— смущенно заговорила она.

— Ну да, ничего! — усмехнулся Павел, весело поглядывая на товарищей.— Ничего, только по всему лесу храп раздается.

Девочка обиженно заговорила:

— А я и не спала совсем. На самую чуточку только глаза закрыла...

— Ладно уж,— примирительно сказал Яков.— Давайте, это самое, на этот раз простим ее. Уж больно она хорошо научилась дорожные знаки ставить. Ведь от самой деревни по ее дорожным знакам шли и не сбились.

— Так и быть, простим,— продолжая улыбаться, согласился Павел.— Ты, Мотя, так и знай: за дорожные знаки прощаем тебе нарушение дисциплины!

Он отошел в сторонку, оглядел собравшихся и скомандовал:

— Отряд! На линейку становись!

Пионеры выстроились на полянке. Когда провели перекличку, оказалось, что на сборе присутствует десять человек. Недоставало одной пионерки — Клавы Ступак.

— Ну, ясно! Девчонки, это самое, всегда подводят! — заворчал Яков.

Мотя погрозила ему пальцем:

— Ну-ну, ты потише насчет девчонок!

— Отставить разговоры! — строго прикрикнул Павел.

Он помолчал, командирским взглядом окидывая строй, и торжественно произнес:

— Очередной сбор герасимовского отряда юных пионеров объявляю открытым! К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

И собравшиеся не очень дружно, но зато горячо и громко ответили:

— Всегда готовы!

— Знаменосец, поднять флаг!

Яков торопливо вынул из-за пазухи красный флажок. Зажимая коленками выструганный из березки шест, он укрепил флажок на его вершине. Затем Яков вышел из строя и воткнул шест в мягкую после дождя землю. Маленький красный флажок затрепетал на ветру.

— Вольно! — скомандовал Павел.— Садитесь, ребята, где посуше.

Он вынул из-за пояса книгу, аккуратно завернутую в газету. Это была «Мать» Горького. В конце учебного года ее подарила Павлу Зоя Александровна. Вначале пионеры собирались прочитать книгу по очереди. Но потом решили, что это лучше делать всем сразу — на сборах. Так никому не обидно, а книга такая интересная!

— На, читай, Мотя, твоя очередь.

Мотя открывает книгу. Ее голос звучит тихо и ровно.

И вот нет больше тайги. Все словно перенеслись в другой мир. У Павла горячо стучит сердце. Человека, о котором пишет Горький, тоже звали Павлом. Какой это замечательный человек! Как отважно он боролся за свободу, за счастье народа!

Мотя читает:

— «Заревел гудок, поглотив своим черным звуком людской говор. Толпа дрогнула, сидевшие встали, на минуту все замерло, насторожилось, и много лиц побледнело.

— Товарищи! — раздался голос Павла, звучный и крепкий.

Сухой и горячий туман ожег глаза матери, и она одним движением вдруг окрепшего тела встала сзади сына. Все обернулись к Павлу, окружая его, точно крупинки железа кусок магнита.

Мать смотрела в лицо ему и видела только глаза, гордые и смелые, жгучие...

— Товарищи! Мы решили открыто заявить, кто мы, мы

поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы!

Древко, белое и длинное, мелькнуло в воздухе, наклонилось, разрезало толпу, скрылось в ней, и через минуту над поднятыми кверху лицами людей взметнулось красной птицей широкое полотно знамени рабочего народа».

Голос Моти начинает дрожать от волнения. Она делает глубокий вздох и поворачивает лицо к пионерскому флажку, который, словно язычок пламени, колышется среди зелени. И вместе с Мотей поворачивают лица к своему флажку все пионеры.

— Знамя разума, правды, свободы...— тихо повторяет Мотя.

Внезапно Яков вскакивает с места. У него тревожное лицо.

— Слышите? — шепчет он.

В лесу кто-то кричит.

Да, теперь все слышат: где-то близко кричит Клава Ступак.

Пионеры растерянно переглядываются, встают. На полянку выбегает всхлипывающая Клава. Она так бледна,

что густые веснушки на ее лице видны еще отчетливее, чем обычно.

— Ребята,— прерывающимся голосом говорит она,— за мной саковцы гонятся!.. Камнем ударили.

«Саковцами» в Герасимовке прозвали группу ребятишек по имени их главаря Петьки Сакова. Много неприятностей наделали саковцы отряду. Вначале, после того как в школе был организован пионерский отряд, они всячески пытались срывать сборы. Били в классе окна, если там собирались пионеры, швыряли в них дохлых мышей. Потом, когда в школе кончились занятия и пионеры, скрываясь от саковцев, начали собираться в лесу, Петька и его сверстники стали подстерегать пионеров поодиночке.

Павел, бледнея, подошел к Клаве Ступак.

— Где они? — глухо спросил он.

И в ту же секунду откуда-то в него полетел камень. Павел стремительно согнулся, и камень лишь слегка задел его.

— Трус! — яростно крикнул Павел.— Камнями кидаешься, а один на один выйти боишься!

Это был вызов. И тогда кусты раздвинулись, и на полянке появился Петька Саков. Это был рыжий вихрастый мальчишка. Засунув руки в карманы, он презрительно глядел на пионеров. Один за другим на полянку выходили саковцы.

— Ну, кто трус? — спросил Петька и, оттопырив нижнюю губу, сплюнул через плечо.

Павел шагнул к нему навстречу. Он тяжело дышал.

— Смотри, Петька, доиграешься!

— А ты не пугай! Я сам пугать могу.

— Мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте.

— Ишь ты какой!

— Какой?

— Больно важный. Тоже мне — коммунист!

— А ты подкулачник!

— Вот мы ваш флаг на тряпки пустим!

— А ну, попробуй!

— И попробую!

Подбадриваемый приятелями, Петька Саков вразвалку подошел к отрядному флажку. Павел шагал с ним рядом, плечо к плечу.

— А ну, попробуй! — повторил он сквозь зубы.

Саков, не отвечая, медленно вынул из кармана руку и

вдруг рывком протянул ее к флажку. Через секунду Павел и Саков катались по мокрой траве. На помощь Петьке торопились приятели.

И еще через несколько секунд на всей полянке закипела схватка. Сбившись в стороне, громко визжали девочки.

Силы были на стороне саковцев. Мотя с тревогой видела, как один из них совсем близко подобрался к флажку, собираясь сдернуть его с места. У Моти захолонуло в груди.

— Ах ты ж гад! — вдруг пронзительно закричала она и, чувствуя, что ей становится все нипочем, что она больше никого на свете не боится, бросилась на врага.

Одной рукой она вцепилась ему в волосы, а другой начала яростно его царапать. Пораженный такой отчаянной храбростью, противник завопил, рванулся и позорно побежал с поля боя. Мотя бежала за ним, неумело тыча в его спину кулаками.

— Ах ты ж гад! Да я тебе за наш флаг глаза выцарапаю!..

Трусость заразительна. За одним побежали другие. Петька Саков убежал последним, выплевывая траву и размазывая по лицу кровь.

Но победа не радовала пионеров. Сбор был сорван. Они молча собрались вокруг Павла. Тяжело дыша, он осторожно трогал пальцами вздувшийся под глазом синяк.

Молча пошли в деревню. И лишь когда между стволами уже стали видны избы, Павел посмотрел на Мотю и вдруг широко улыбнулся:

— Ишь ты какая! Даром что девчонка!

Глава IV
ТРЕВОЖНЫЙ ВЕЧЕР

Василий Потупчик вышел на крыльцо. Щуря глаз, взглянул на небо.

На крыльце сидела Мотя. Рядом с ней — на корточках Павел и Яков. Все трое что-то горячо обсуждали. Увидев Потупчика, они замолчали.

— Папанька, ты чего смотришь? — спросила Мотя.

— Снова дождь собирается.— Он почесал рыжую бороду.— Хотел на ночь к озеру идти — не придется.

— Дождь? — Яков привстал, оглядывая горизонт.— А зорька чистая, дядя Вася.

— Посмотришь. У меня нюх охотничий. А вы чего тут заговорничаете?

— Да так, про разные дела.

— Дела! Смотри, какие люди деловитые! — Он басисто рассмеялся.— Дочка, а ты бы отцу поесть собрала.

— Папанька, там в печке.

— А тебе лень?

Мотя просяще протянула:

— Пап-анька...

— Ну ладно, сиди уж! — Он махнул рукой, ушел в избу.

Ребята продолжали разговаривать вполголоса, нетерпеливо перебивая друг друга. Смеркалось. Меж избами над темной линией леса медленно бледнела заря. В этот вечерний час в деревне было пустынно и тихо, где-то далеко звенела гармошка.

Звякнула калитка. Босоногая Мотя прыгнула с крыльца навстречу вошедшему человеку.

— Товарищ Дымов!

— А-а, Мотя! — Человек улыбнулся, блеснув крепкими зубами.

Он был молод, плечист, в белой рубашке с расстегнутым воротом, в скрипучих сапогах.

Из двери высунулся Потупчик, приветливо забасил:

— Вот хорошо, и квартирант пришел! Как раз к ужину.

Павел выступил вперед, сказал смущенно:

— Товарищ Дымов, мы к вам по одному делу...

— По какому, Федя?

Мотя рассмеялась:

— Это не Федя — Федя маленький. Брат его...

— Ах, какой я забывчивый! — Дымов смешно замахал руками.— Извини меня, пожалуйста! Ну, Паша, я слушаю.

Он сел на порожек, забарабанил по холщовому портфелю пальцами, с интересом посматривая на ребят. Они стояли перед ним, переглядываясь.

— Мы про избу-читальню,— начал Павел.— Она все равно сейчас заколочена. Как учительница на каникулы уехала, так ее и заколотили. Так мы хотели там пионерский клуб устроить.

— Клуб?

Дымов задумался. Два дня назад он приехал в Герасимовку из районного центра проверить, как сельсовет готовится к хлебозаготовкам. Уполномоченный не собирался задерживаться здесь: в райкоме партии считали, что Трофим Морозов хороший председатель и сумеет сам объяснить населению, как важно продать государству хлебные излишки. Но оказалось, что дела в Герасимовке неважные. Обрадовались приезду нового человека, кажется, больше всего ребятишки. Славный народ!

— Так ты, Паша, говоришь — клуб? — Дымов снимает кепку, задумчиво проводит рукой по волосам.— Хорошее дело... Только нужно прежде всего открыть избу-читальню. Сколько у вас пионеров?

— Одиннадцать,— поспешно отвечает Яков.— А вот он, Пашка, у нас, это самое, вожак. У нас учительница Зоя Александровна за вожатую была, она комсомолка. А теперь она только к осени вернется. Она на каникулы отдыхать уехала.

— Ну вот,— улыбается Дымов,— вас только одиннадцать, а в деревне сколько народу! Как же всех оставлять без избы-читальни? Выбирайте на пионерском сборе толкового пионера, и пусть он открывает избу-читальню.

— Вот ее,— Павел кивнул на Мотю.

Девочка радостно краснеет.

— Мотю? Хорошо! Значит, будешь ты, Мотя, временно исполняющей обязанности заведующего избой-читальней. А? — весело прищуривается Дымов.

— Ну, дочка,— гремит с порога бас Потупчика,— теперь ты со мной знаться перестанешь!

Дымов притягивает к себе Павла:

— А вы помогайте ей. Ладно? Дежурить по очереди — раз. Выпишем газеты, журналы, книжки — два. В книжках, ребята, про колхозы написано! Ну, а в той же избе и вам, пионерам, можно собираться...

— Товарищ партейный,— спохватывается охотник,— а ужин-то остывает! Брысь, ребята! Заговорили совсем человека!

— Иду, иду, дядя Василь,— поднимается Дымов.— Так ты, Паша, скажи об этом отцу. Пусть председатель сельсовета поможет вам открыть избу-читальню.

Павел молчит.

— Ну, что ж, скажешь?

— А вы... товарищ Дымов... сами ему скажите...

— Почему так?

Павел снова молчит. Охотник говорит негромко:

— Он с отцом не в ладах.

— Не в ладах?

— Да, ему от отца доставалось... Мне тут по соседству видно... Так, что ли, Пашка? Я помню, он тебя крепко отхлестал, когда ты в пионеры записался.

Дымов быстро оборачивается к Павлу и внимательно смотрит в большие черные глаза смущенного мальчика.

— Так он тебя бил, Паша? — тихо спрашивает Дымов.

Павел наклоняет голову, невнятно бормочет:

— Ничего не бил... дядь Вася... и чего ты...— Он не может найти слов, кусает губу и внезапно оживляется: — Товарищ Дымов, а вы вчера говорили, что дадите нам лозунги, чтобы мы написали. Помните, про хлебозаготовки и про колхозы?

Уполномоченный серьезно смотрит на Павла, соображает что-то.

— Дам, Паша... Вот поужинаю и напишу. Подожди минутку.

Ребята провожают глазами Дымова и Потупчика, усаживаются на крыльце. Уже совсем стемнело, в избах засветились оконца. Тихо в деревне. В темноте набежал ветер, пошевелил волосы и снова стих.

— А дождь, это самое, и впрямь собирается,— вздыхает Яков и вдруг настороженно прислушивается к чему-то.

С улицы доносится сердитый женский крик:

— Яшка! Яшка!

Яков вскакивает:

— Ой, ребята, пропал! Мать зовет. Иду-у, маманька! — Он перемахивает через забор и исчезает в темноте.

Павел и Мотя сидят молча. Она долго смотрит на его неясный профиль и шепчет:

— Паш...

Он не слышит и сидит по-прежнему недвижно, облокотившись на колено и положив подбородок на ладонь.

— Паш...

— А?

— Ты про что думаешь?

— Да так...— неопределенно повел он плечом.

— А я тоже люблю думать... Про все, про все! Знаешь, когда хорошо думается? Когда спать ложишься... Правда? А тебе сны снятся?

— Снятся.

— Мне раз приснилось, что в Герасимовке дома стеклянные и электричество.

Павел с интересом взглянул на нее, убежденно сказал:

— Электричество на самом деле будет. Помнишь, Зоя Александровна говорила, что в каждой деревне электричество проведут. Вот только колхоз сначала надо.

— Только домов стеклянных не будет — побьются...— Мотя глубоко вздохнула.— Паш, а один раз ты мне приснился...

— Я?!

— Ага. А я тебе никогда не снилась?

— Не...— помолчав, ответил он.

Вдали шумела тайга, все ближе и грозней. Ветер нахлынул на деревню сильный и скользкий, он дышал сыростью далеких болот, запахами лесной плесени и хвои. Острая молния взлетела над крышами и погасла, словно опущенная в воду.

На огороде залаял пес.

— На кого это Кусака? — Мотя вскочила, придерживая на коленях трепещущее платье. Она исчезла за избой, но Павел слышал ее тоненький, уносимый ветром голосок:

— Кусака, Кусака! На, на! Кому говорю! Кусака!

В избе загромыхало. Тяжело дыша, девочка прибежала к крыльцу.

— Кто бы это был, Паш? По огородам пошел, быстро так...

Павел приподнялся.

— Куда?

— Да разве ж разберешь в темноте? Вроде к вашему огороду. Да ты сиди...

— Бежать пора,— он встревоженно вглядывался в темноту,— а то мать заругает.

На крыльцо вышли Потупчик и Дымов.

— Вот я и думаю, товарищ Дымов,— громко говорил охотник,— ежели у нас, как ты рассказываешь, колхоз будет да пни выкорчует, так великое это дело! А то у нас так: выедет мужик пахать, обопрется на соху, глядь — пень! Перенесет соху — снова пень! Покуда пройдет полоску, рубаха к спине прилипнет и лошадь мокрые бока раздувает. Да гнус еще жалит!

— Переменим соху на плуг с трактором, дядя Василь.

— А я трактористкой буду! — сказала Мотя и грустно прибавила: — Только я трактора не видела.

— Увидишь, Мотя! Обязательно... Ого! — воскликнул Дымов, взглядывая на загремевшее небо.

Девочка рассмеялась:

— Старики говорят, в такие ночи коробейники из могилы встают.

— Какие коробейники?

— О, это, товарищ квартирант, дело интересное! — усмехнулся Потупчик.

Он любил поговорить, всегда был рад собеседнику и теперь, довольный, принялся подробно рассказывать историю убийства коробейников.

— Постой,— проговорил Дымов, внимательно выслушав Потупчика,— как звали этого человека?

— Кулуканов... Лучшую землю забрал себе, заешь его гнус! Такой кулачище!

— Хм...— Дымов казался очень заинтересованным.— А ведь в сельсовете этот человек кулаком не числится. Так и записано: середняк Кулуканов Арсений Игнатьевич. Подожди-ка, у меня, кажется, список населения есть. Ну-ка, пойдем к свету, дядя Василь.

Они снова ушли в избу. Мотя взглянула на Павла:

— Ты слышал, Паш?

— Сейчас хлынет,— уклончиво ответил он, глядя в небо.— Я побегу.

Мотя с минуту прислушивалась к шагам убегающего мальчика, потом вышла на середину двора, запрокинула голову. Ее ударила по щеке крупная холодная капля. Она протянула к черному небу руки:

— Дождик, дождик, припусти...

Глава V

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Павел, запыхавшись, влетел в избу. Мать стояла у окна, вглядываясь в темень и кутаясь в шаль. Услышав стук двери, повернулась к сыну, облегченно вздохнула:

— Тебя что ж, хворостиной надо домой загонять?

— Маманька, мы там с приезжим заговорились.

— Заговорились! Вон дождь какой находит... Идем к деду.

— Зачем?

— Отец велел.

Павел помолчал.

— А где братья?

— Давно у деда. Идем скорей, а то отец придет, осерчает.

Павел стоял, не двигаясь, хмуро шевелил бровями. Брови у него крутые, черные, над правой — маленькая коричневая родинка.

— Ну, идем же, Паша.

Он вдруг сорвался с места, подошел к матери, зашептал горячо:

— Маманька... почему, как плохая погода, нам всегда к деду идти? Почему? Опять к нему хромой из лагеря придет?

Мать быстро наклонилась к сыну:

— Пашутка, сынок, не трогай ты отца, не путайся в его дела! Слышишь, сынок? Сердце у меня болит — прибьет он тебя!

Мальчик смотрел в бледное лицо матери, в ее встревоженные, усталые глаза и чувствовал, как у него начинает дрожать подбородок. Он легко высвободился из рук матери, надел длиннополую куртку, широкий отцовский картуз.

— Я к Яшке Юдову пойду. Сегодня из Тавды газеты пришли, читать будем.

— Ну, ступай... А я у деда буду.

Они вышли вместе. Павел дождался, когда мать исчезла в темноте, и, озираясь, присел под сараем.

Бесновался ветер. Дождь шумел вокруг мощно и ровно, заглушая гул недалекой тайги. По временам, когда вспыхивала молния, было видно, как под ветром гнутся острые верхушки деревьев. Павел поежился: с крыши за шиворот потекла холодная струйка.

Глаза привыкли к темноте, и теперь ему было хорошо видно крыльцо.

Сначала, покачиваясь и шлепая по лужам сапогами, отец прошел. «Пьян»,— подумал Павел. Он ждал другого, и тот, другой, явился со стороны огорода так внезапно, что мальчик едва сдержал испуганный крик. Высокий незнакомец, прихрамывая, медленно прошел мимо притаившегося мальчика и исчез в избе.

Павел поднялся, ежась. Его знобило. Мысли в голове такие страшные, неясные — не поймешь, что делать... Да, что делать?

Он взбежал на крыльцо, прислушался, приоткрыл дверь, заглянул.

В комнате было пусто. В другой комнате мигал свет лампы от ворвавшегося ветра. Наверно, отец и хромой там.

Ветер вырвал дверь из рук, широко распахнул, стукнул о стену.

Теперь раздумывать нельзя больше ни секунды. Рядом с дверью — печь, на которой Павел спит с Федей... Можно скрыться на ней...

Он неслышно скользнул на печь, свернулся калачиком.

Ветер играл дверью.

Отец вышел, выглянул во двор, захлопнул дверь, вернулся к столу.

— Что там? — услышал Павел глухой голос незнакомца.

— Ветер...

— Ну и буря! — Незнакомец кашлянул.— Так как же, Трофим Сергеевич?

— Мало даете.— Отец длинно зевнул; было слышно, как он сел на затрещавшую кровать.— Ты пойми, мне это, может, жизни стоит, а вам денег жалко.

— Так мы ж не жалеем, Трофим Сергеевич.

— Жалеете! А меня за решетку — и никаких разговоров... Понял? — Отец щелкнул замком портфеля, зашелестел бумажками.— Вот они, удостоверения. Гляди, тут я пропуск сделал: сами фамилии впишете, какие хотите.

Молчание. Должно быть, незнакомец читал.

— Хорошие бумажки, Трофим Сергеевич.

Отец рассмеялся:

— С такими удостоверениями хоть в Москву езжай, в самый Кремль!

Незнакомец ответил не сразу, а когда заговорил, в его низком, глухом голосе послышалась такая ярость, что Павел вздрогнул:

— Это мы знаем, куда ехать надо.

Отец заворочался на кровати, спросил чуть удивленно:

— И много там вас... таких, как ты?

— Да нет... (Мальчику почудилось, что гость горько усмехнулся). Есть и такие, что непрочь по-советски жить. Только это не для тех, у кого огонь душу печет! Так как же, Трофим Сергеевич?

— Возьми вот этих пару.

— Только пару?

— Остальные после дам... Понял? Когда все деньги заплатите. Вот так, значит.

— Ну, добре...— Незнакомец зашелестел мокрым дождевиком.— Я слышал, к вам приехал из района кто-то?

— Приехал один. Да ты не бойся.

— Меня не запугаешь! Прощевайте, Трофим Сергеевич.

— До встречи...

Незнакомец ушел. Отец походил по избе, бормоча что-то, прикрутил лампу, снял сапоги. Скоро Павел услышал его храп.

Мальчик осторожно спустился с печки. Его больше не знобило. Было жарко, и лицо горело так, словно он лежал в крапиве. На цыпочках пробрался в соседнюю комнату. Отец лежал на кровати, свесив ногу. Рот у него приоткрыт. По отвислой губе ползает муха.

Павел искал портфель. Его смятый угол он увидел торчащим из-под подушки.

С бьющимся сердцем подошел к постели, задерживая

дыхание, потянул портфель. Отец заворочался, забормотал, повернулся к стене.

Мальчик перевел дыхание: оно, казалось, распирало грудь. Трясущимися пальцами снова потянул портфель, и тот, освобожденный от тяжести отцовской головы, теперь легко выскользнул из-под подушки.

Не сводя глаз с отца, подошел к свету, открыл портфель, поспешно перелистал бумаги. Вот! Несколько продолговатых листков. Он вынул один.

Удостоверение

27 июля 1932 года.

Дано сие гражданину . . . . в том, что он действительно является жителем села Герасимовки Тавдинского района Уральской области и по личному желанию уезжает с места жительства. По социальному положению бедняк. Подписью и приложением печати вышеуказанное удостоверяется.

Председатель сельсовета Т. С. МОРОЗОВ

Мальчик смотрел на бумажку широко открытыми глазами. Портфель вдруг выпал из рук, гулко шлепнулся о пол. Отец встрепенулся, приподнялся на локте, уставился на сына мутными, непонимающими глазами.

— Пашка?

Павел громко всхлипнул. Зажал в кулаке бумажку, рванулся к двери. Трофим увидел на полу портфель, вскочил, и ужас внезапно перекосил его смятое, серое лицо.

— Пашка! Пашка! Стой!

Но Павла уже не было.

Ударом ноги Трофим распахнул дверь, завопил в шумящую темноту:

— Паша-а!.. Сынок!.. Родимый!..

Босой, спрыгнул с крыльца, заметался под дождем, размахивая руками, и, теряя от ужаса голос, долго хрипел:

— Паша-а... сыно-ок...

* * *

Среди ночи Василий Потупчик проснулся от стука в дверь. С фонарем вышел в сени, спросил сердитым басом:

— Кого там черти носят?

— Пусти, дядя Вася...

— Пашка?

— Я...

Охотник загремел запорами и, осветив мальчика фонарем, качнул головой.

— Э, парень, да ты белый как смерть!

— Где... Дымов?

— Спит. Где же ему быть?

Потупчик ввел Павла в избу. Из соседней комнаты, наскоро натягивая рубашку, выглянул Дымов. Кутаясь в одеяло, пришла сонная Мотя. Испуганно прижалась к стене под широкими рогами лося (убил когда-то отец). Все молча, с изумлением смотрели на Павла. Дымов шагнул к мальчику:

— Что случилось, Паша?

Павел разжал кулак, протянул бумажку. Уполномоченный, нагнувшись к фонарю, быстро пробежал ее глазами.

— Ну, и что же?

Павел силится что-то сказать — не может. Дрожит родинка над правой бровью.

— Эти... эти бумажки... мой отец продает сосланным кулакам...

Дымов несколько секунд удивленно смотрит на мальчика, потом обнимает его, мокрого и дрожащего, целует. И Павел прижимается к большой груди этого человека, совсем мало знакомого, но такого родного и близкого, и вздрагивает от прорвавшихся наконец рыданий.

— Дяденька Дымов... дяденька Дымов...— шепчет он задыхаясь.

Дымов торопливо гладит его по голове, по мокрой спине и говорит глухо:

— Не надо, Паша... ну, не надо, мальчик, — и чувствует, как у самого глаза становятся влажными.— Ну, не надо, Паша! Ты... ты ведь настоящий пионер!

Глава VI

ЗАМОК НА КАЛИТКЕ

Был праздничный осенний день. На улице толпились девушки и парни. Павел, передав Якову дежурство по избе-читальне, побежал домой. Идя по улице, он чувствовал, что его провожают взглядами, перешептываются.

С тех пор как суд приговорил Трофима Морозова к десяти годам тюрьмы, Павел никогда не может пройти незамеченным. Правда, не ругают его в деревне за то, что раскрыл он преступление своего отца, и даже начали почетно называть «Пашкой-коммунистом»,— все равно тяжело чувствовать на себе эти постоянные любопытные взгляды.

Приятели заметили, что Павел стал молчаливей, задумчивей, словно повзрослел сразу.

И в деревне перемены. Выбрали нового председателя, колхоз скоро будет. Пионеры много лозунгов о колхозе написали и расклеили на заборах. Эти лозунги составил Дымов. Жалко, что его райком партии вызвал в Тавду. Такой хороший человек, все его полюбили. Когда уезжал, Потупчик даже расцеловался с ним.

Павел добежал до своего двора и вдруг остановился, озадаченный. Калитка была заперта. Он потрогал пальцем большой медный замок, перелез через забор.

Дверь открыта, в избе чьи-то голоса. Мальчик встревоженно поднялся на крыльцо.

У двери Данила курил самокрутку. Презрительно скривил губы, взглянув на Павла. В углу сидела мать с сыновьями. А посреди избы дед Серега опирался обеими руками

на палку. Он что-то сипло говорил. Было видно, как шевелились кончики его серых усов.

Павел переступил порог, сказал нерешительно:

— Здравствуй, дедуня.

Дед не ответил, даже не обернулся. Данила процедил:

— С коммунистами не разговариваем!

Павел, бледнея, шагнул к деду:

— Дедуня...

Но дед, казалось не замечал и не слышал внука. Он в упор смотрел на Татьяну из-под нависших белых бровей.

— Ну, отвечай, невестка.

Татьяна слабо покачала головой:

— Не знаю...

Дед Серега стукнул палкой.

— Что не знаешь? Я за старшего остался, мужа у тебя теперь нету. Слышишь? Как сказал, так и быть должно! Надо наши хозяйства объединить, а забор меж дворами уберем. Слышишь?

Мальчик понял, зачем пришел дед Серега, и горькое негодование охватило его. Вот, значит, какой дед! Хозяйство прибрать к своим рукам хочет! Ведь объединиться с дедом Серегой — значит в батраки к нему пойти. Вся деревня знает, какая он жила. И Данилкины мысли ясны: небось, думает, дед стар, помрет скоро, а он, Данила, хозяином станет. Он и раньше хвастался, что будет жить богаче Кулуканова.

Мальчик сурово взглянул на двоюродного брата, отошел в сторону.

— Маманька, не объединяйся... Скоро в деревне колхоз будет, в колхоз вступим, — проговорил он негромко.

Все молчали.

Дед Серега тяжело качнулся, кашлянул.

— Так как же, Татьяна?

Все смотрели на нее, ожидая решающего слова. И она сказала тихо, сделав головой чуть заметное движение в сторону Павла:

— Ему видней... Он теперь за хозяина остался...

— Н-ну... — выдохнул дед.— С голоду подохнете!

Он круто повернулся и, стуча палкой, вышел вон. Данила остановился у порога, сжал кулаки:

— Мы с тобой еще посчитаемся! Коммунист какой!

Татьяна привстала:

— Ну, ты! Проваливай!..

Данила выплюнул папиросу, бормоча что-то, сбежал с крыльца.

Павел проводил его взглядом, спросил:

— Кто на калитке замок повесил?

— Это дед запер, — сердито сказал Федя. — Приказал с сегодняшнего дня через его двор ходить. Говорит — одно хозяйство.

Павел вспыхнул:

— Новое дело! Пускай и не думает! Замок я все равно собью!

Он схватил на полке молоток, выскочил наружу.

Татьяна неподвижно сидела, прижимая к себе маленького Романа. Правильно ли она поступила? Может быть, нужно было соединиться с хозяйством деда? Может быть, не будет в деревне колхоза, о котором так хорошо рассказывали на сходках? Да и каким будет этот колхоз? Как жить? Разве по силам одной кормить и одевать детей! Пашка, правда, подрастает, помогает уже по хозяйству, но ведь все равно и он еще мальчонка. Ах, Пашка, Пашка!..

Внезапно она встрепенулась. В открытые двери из синих сумерек донесся пронзительный крик. Холодея и

дрожа, вскочила, усадила на пол заплакавшего Романа, вылетела на крыльцо.

У забора Данила бил кулаком вырывающегося Павла.

— Стой! — закричала она. — Стой, проклятый!

Бросилась к сараю, непослушными, трясущимися руками схватила длинную жердь. Данила отпустил мальчика, влез на забор.

— Я еще не так твоего пионера...— Он не договорил и спрыгнул по ту сторону.

Жердь гулко стукнула по верхушке забора.

Глава VII

ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

По-осеннему начали желтеть осины и березы. По утрам с недалекого болота на деревню наползал белый и густой, как вата, туман. Он медленно, почти незаметно плыл мимо окон и, даже когда уже пригревало солнце, долго ворочался на улице, расползаясь в согревшемся воздухе.

Однажды в такое утро в Герасимовку пришла неизвестная старуха. Высокая и худая, закутанная в старую шаль, она брела вдоль заборов, наполовину скрытая стелющимся по земле туманом. Собаки лениво лаяли ей вслед. Иногда старуха останавливалась у каких-нибудь ворот, стучала клюкой в доски и долго крестилась, если ей подавали кусок хлеба.

Никто не обратил бы внимания на появление в деревне незнакомой нищенки, если бы с ее приходом не начали твориться очень странные вещи.

На двенадцать часов дня в избе-читальне была назначена репетиция пионерского драмкружка. Под руководством Зои Александровны пионеры готовили к началу учебного года небольшую пьесу, которую сочинил сам Павел. Вначале на сцене появился с наклеенной бумажной бородой Яков. Кряхтя и сгибаясь, он садился перед зрителями и жалобно рассказывал о том, что его, старого батрака, совсем одолели кулаки. Когда он печально опускал на руки голову, к нему подходил с такой же бумажной бородой другой «батрак» — Василий Слюсарев, парнишка с тонким голоском. Он бодро хлопал Якова по

плечу и говорил, что таким, как они, людям только один путь — в колхоз.

Но тут появлялись толстые «кулаки» (их роли исполняли самые младшие ребята, потому что старшие наотрез отказались играть кулаков). Придерживая руками подушки, спрятанные под рубашками, они наступали на «батраков» и пели песенку, придуманную Мотей Потупчик:

Вы батрачите на нас,
Мы в колхоз не пустим вас!

У «кулаков» были такие страшные, вымазанные сажей физиономии и пели они свою песню так свирепо, что девочки, сидевшие в конце зала, умолкали от страха, хотя хорошо знали, чем все закончится.

Под конец на сцене с красным флагом появлялись во главе с Павлом «рабочие», и «кулаки», завидев алое полотнище, в страхе убегали. А «батраки» обнимали «рабочих», и все хором пели:

Мы в колхоз идем, идем,
К жизни радостной придем!

Разумеется, они старались петь как можно красивее, хотя Мотя и утверждала, что получается это у них лишь на самую чуточку лучше, чем у «кулаков».

Как бы там ни было, репетиция проходила вполне успешно, и Зоя Александровна советовала пригласить на утренник всех герасимовских бедняков и середняков.

— Правильно! — сказал довольный Павел. — Может быть, еще кто-нибудь в колхоз вступит.

В спектакле принимало участие несколько саковцев. Приверженцы Петра давно покинули своего рыжего главаря, и теперь он почти перестал показываться на улице. Изредка пионеры видели его в отдалении, одинокого и скучающего. Всякий раз он грозил кулаком и быстро исчезал. «Боится»,— решили они.

В тот день должна была состояться генеральная репетиция. Но к двенадцати часам пришли только учительница и Павел с Мотей. Это было невиданное нарушение дисциплины. Они прождали около часа в пустой избе-читальне. Наконец недоумевающая Зоя Александровна сказала:

— Вы, ребятки, разузнайте, в чем дело, а я пока в сельсовете буду стенгазету выпускать.

— Они, наверное, все одурели! — проговорил Павел мрачно. — Пойдем-ка к Яшке, Мотя.

У избы Якова Павел посвистел условно: два коротких, один длинный свисток. Яков моментально показался в окне. Но у него были такие испуганные глаза и он выглядел таким жалким, что Мотя шепнула Павлу:

— Заболел, наверное.

Яков делал какие-то движения руками, и они сообразили, что он просит их идти на огород, за сарай.

— Чудное что-то с ним делается, — недовольно сказал Павел.— Подожди, ты через забор не лезь, Мотя. Тут у нас одна доска отодвигается.

Через минуту за сарай явился Яков.

— Ребята, — виновато начал он,— меня мать не пустила.

Павел, не глядя на него, раздраженно качнул головой:

— Не ври! Всегда пускала!..

— А вот гляди, что она нашла сегодня в сенях.

Яков протянул скомканную бумажку. Это был кусочек клетчатого листа из тетрадки, исписанный корявыми буквами:

«Во имя отца и сына и святого духа. Был слышен во святом граде Иерусалиме голос господен, и сказал господь: кто в колхоз пойдет, не будет тому благословения. Перепиши письмо это семь раз и отдай соседям своим. Аминь!»

— Мать прочитала и давай плакать, — говорил Яков, — а мне сказала, что если из пионеров не выпишусь, так голову оторвет. А потом сказала, чтобы я переписал семь раз...

— Ну, а ты?

— Переписал, — вздохнул Яков.

Павел свирепо сверкнул глазами:

— Зачем?

— А если... правда? — Голос Якова был едва слышен.

— Дурак!

Мотя тихо ахнула:

— Яша! Да разве настоящие пионеры в бога верят? Это ж только от некультурности.

Яша шмыгнул носом.

— Да, а мать-то дерется... К соседям вчера ходила, так там тоже такие записки нашли.

Мотя вдруг всплеснула руками:

— Ой! Так это же нищенка! Ну да! Я сама видела, как она у Ступака христа ради просила и что-то в сени бросила. Я тогда даже подумала: «Что это она бросает?»

Павел молчал, щурился, соображая.

— Пошли-ка в избу-читальню. Надо подумать, что делать.— Он со вздохом посмотрел по сторонам.— Эх, задержать бы ее нужно было! А теперь ищи ветра в поле.

День был полон неожиданностей. На пороге избы-читальни сидел Петр Саков. Еще издали завидев его рыжую вихрастую голову, Павел пришел в ярость.

Мотя схватила его за рукав:

— Паша! Не надо!..

— Уйди! — Он резко высвободил руки.— Все равно сейчас опять драться будем. Ну, я ж ему!

Павел решительно приблизился к избе-читальне. Яков шел рядом, шептал:

— Пашк, а ты не бойся... Если что, я подмогну...

Но драка не состоялась. Петр Саков даже не поднялся навстречу. Он продолжал сидеть на крыльце, подперев подбородок ладонями, и Павел вдруг увидел, что глаза у него совсем не злые и смотрят они как-то очень жалобно

и смущенно. Это было так не похоже на Петра Сакова, что Павел растерянно остановился. Они помолчали.

— Ну,— передохнул Павел,— ты чего сидишь? — Но в его голосе не было угрозы.

Петр Саков молчал.

— Ну?

Петр тряхнул рыжей головой и сказал тихо:

— Вы меня за человека не считаете, а я...— Он запнулся, и Павел вдруг увидел, что на его глазах блеснули слезы.

Петр вытер ладонью глаза, высморкался, привстал.

— Ты про записки знаешь?

— А что? — насторожился Павел.

— Эти записки моя тетка с Кулукановым сочиняла.

Павел смотрел на Петра широко открытыми глазами.

— Врешь!

— Право слово... Тут старуха ходила, так они и научили ее эти записки бросать.

Павел сделал шаг вперед и вдруг широко заулыбался, хлопнул Петра по спине:

— Петька, дружище! Ох, Петька!

Петр Саков робко поежился.

— А вы меня в пионеры примете?

— Ну ясно, примем! — Павел повернулся к стоящей в отдалении Моте: — Айда к Зое Александровне! Слышишь? Сейчас в стенгазету про таинственное письмо напишем.

Глава VIII

У КОСТРА

Под воскресенье ребята пошли на озеро удить рыбу. Запаслись едой и теплой одеждой: решили ночевать на берегу.

До озера несколько километров. По дороге девочки пели песни, бегали между деревьями, пугая белок, аукались. Они шли без сетей и удочек — какие из девчонок рыболовы? Взяли их, чтобы за костром следили да уху варили.

Одна Мотя несла удочку на плече. Она — как мальчишка, даже стрелять из ружья умеет: отец выучил.

Был погожий день. Солнце, уже не горячее, но по-прежнему яркое и ласковое, плыло над тайгой, пробивалось светлыми полосами и пятнами сквозь чащобу и бурелом, сверкало на полянках.

Павел и Мотя шагали позади всех, о чем-то совещались. Яков сначала обиделся, что его не позвали, потом ухмыльнулся, зашептался с ребятами. С хохотом остановились под старой сосной и вдруг нестройно запели:

Тили-тили тесто,
Жених и невеста!
Тили-тили тесто,
Жених и невеста!

Прибежали девочки, захихикали. У Моти задрожали губы.

— Дураки! Сами вы женихи! — Она расплакалась, собралась идти домой.

Девочки, посмеиваясь, стали ее успокаивать:

— Брось, Мотя, да они же так просто, балуются...

Мотя всхлипывала:

— Они думают, как идем вместе, так значит... жених и невеста... Дураки! Все пионеры... дружить должны.

Домой она не ушла.

Павел, красный, подошел к Якову:

— Это ты придумал?

— Ничего не я...

— Врешь, ты! Вот набью тебе шею, тогда узнаешь!

Он сказал это довольно миролюбиво. Ему самому было немножко смешно.

— А у тебя, это самое, секреты от друзей завелись?

— Дурень, да ты знаешь, про что она говорила?

— Про что?

— Вот нарочно не скажу, потому что ты дурак.— Он подумал и прибавил: — На озеро придем, тогда скажу...

Якова мучило любопытство. Но виду не подал и до самого озера шел рядом с Пашкой, посвистывая и балагуря, — хотел загладить вину. Но когда пришли, Павел ничего не сказал, должно быть, забыл. Разъехались на лодках, ловили рыбу, купались.

Вода в озере холодная, чистая. Если всмотреться, можно увидеть илистое дно, зеленые лапчатые водоросли, мелких рыбешек, которые сверкают под лодкой, как короткая молния.

Летом из разных лесных деревень на озеро приходит много рыболовов, и на его берегах костры горят по ночам, будто в огромном цыганском таборе. Озеро большое, всем места хватает.

В ожидании ухи мальчики сушились у огня, хвастались уловом. От соседнего костра подошел кто-то.

— Эй, пионеры! — По голосу узнали Данилу. — Рыбачите?

Яков ответил неохотно:

— Рыбачим...

Данила вышел на свет. Его узенькие глаза забегали по лицам ребят, на секунду встретились с глазами Павла и снова скользнули в сторону.

— Ну-ну, рыбачьте,— он с усмешкой поправил на плечах куртку, медленно отошел.

— Носит его здесь! — проворчал Яков. — Всегда он насмехается.

— Девочки,— зашептала веснушчатая Клава Ступак,— а вы видели, какая у него рубашка?

— Какая?

— Кулукановская! На груди зеленым вышита... Ей-ей! Я запомнила, как Кулуканов носил.

— Подарил, наверно,— сказала Мотя.— Чего-то он часто стал в гости к Кулуканову ходить. Паш, и дед Серега к нему ходит, я видела.

— Ну и пусть ходит! — Павел нахмурился. — Дай-ка ту бумажку.

Мотя порылась в кармане, протянула свернутый листок. Он взял его, не глядя.

— Вон ей, — Павел кивнул на Мотю, — сегодня в сельсовете список дали, кто не хочет хлебозаготовки выполнять. Она мне в лесу рассказывала... Вот. А вы, дураки, запели! Яшка, ты завтра будешь в избе-читальне объявления писать.

— Что за объявления?

Павел развернул листок.

— Тут первым Кулуканов помечен. Вот ты и напишешь: «Здесь живет зажимщик хлеба Кулуканов». Возьмешь старую газету и напишешь чернилом.

— Не чернилом, а чернилами, — поправила Клава Ступак. — Сколько раз Зоя Александровна говорила!

— Ну, чернилами... А потом на кулукановские ворота приклеим. Пусть все знают!

— Здóрово! А не набьют нам, это самое, шею?

— А ты не трусь. Тут немного — человек пять. — Он посмотрел в список и внезапно запнулся, нерешительно потрогал затылок. — Тут, ребята, одна фамилия помечена... Слышь, Яшка? Второе объявление будешь так писать: «Здесь живет зажимщик хлеба Ступак»...

Все посмотрели на Клаву. Глаза у Клавы замигали, все быстрей, быстрей, и вот из них разом брызнули слезы и покатились по веснушчатым щекам.

— Не хочу я... не хочу... Это мой дядя...

Ребята переглядывались. Мотя недовольно сказала в тишине:

— Чего разревелась? Вон Паша отца разоблачил, а ты...

Павел вдруг вскочил, злобно глядя на Мотю, над бровью задергалась родинка.

— Дура! — крикнул он, но голос сорвался, задрожал: — И чего вы все — отец да отец...

Он круто повернулся, зашагал в темноту, шурша травой. У самой воды прилег на бугорке, завернулся в куртку.

Неслышно подошел Яков.

— Пашк...

— Отстань!

Яков опустился на корточки.

— Давай не будем про Ступака писать.

— А мне что за дело?

— А то Клавка, это самое, ревет. Она говорит — сама уговорит дядьку хлеб сдать. Хорошо?

— Хорошо...

Яков помолчал.

— Пашк, идем уху есть.

— Не хочу. Я спать буду.

Яков вернулся к костру. Павел долго ворочался, смотрел на звезды. С озера наползал серый, мохнатый туман, в темной воде по временам шумно плескались рыбы.

Тихо в лесу, пахнет хвоей. Изредка прошелестит что-то в чаще или донесется издалека раскатистый крик сонного глухаря: кга-а... Прошумит эхо, и снова все тихо.

Павел со стоном проснулся среди ночи от жгучей боли и дыма. Кто-то подсунул под шею горящую головню.

В ужасе вскочил, держась за опаленное место, и лицом к лицу столкнулся с Данилой.

Над лесом висел узкий месяц, и в его желтом свете мальчик увидел непонятную, застывшую усмешку на лице двоюродного брата.

— Что, жарко? — хрипло спросил Данила и вдруг стремительно схватил Павла за горло, рванул, опрокинул в озеро.

Мальчик не почувствовал холода воды, сомкнувшейся над ним. Он чувствовал лишь тяжелые, железные пальцы на горле и, теряя сознание, все еще пытался слабеющими руками освободиться от них.

Но пальцы вдруг сами ослабли и освободили его. Задыхаясь и кашляя, Павел вырвался из воды и не сразу понял, что происходит вокруг. Вода клокотала и плескалась от груды барахтающихся тел. Ребята, бросившиеся ему на выручку, теперь крепко держали Данилу. Рядом с Павлом по пояс в воде стояла Мотя, кричала что-то, размахивая руками. Потом он увидел Якова, вцепившегося в волосы Данилы.

— Пустите,— хрипел Данила,— пошутил я... Ну, пустите!..

Его не отпускали.

— Пустите... вода холодная...

Его повели к догорающему костру. Он вдруг рванулся, прыгнул через тлеющие угли и побежал, не оглядываясь.

До самого утра больше никто не спал.

Глава IX

ТЕНИ ВО ДВОРЕ ДЕДА

Дед Серега встал на рассвете — старики мало спят. Побродил по двору, оглядывая, все ли в порядке, выпустил из сарая проснувшихся кур.

Потом, кряхтя, вышла бабка Ксения, тонко пропела:

— Цы-ып, цып, цып, цып, цып!..

Дед издали наблюдал, как куры клюют зерно, дружно постукивая клювами. Вдруг он зашевелил усами, на цыпочках засеменил к птицам и с размаху хлестнул хворостиной белобокую курицу.

— Анафема!

Птицы с шумом разлетелись, подняли гвалт. Дед гнался за белобокой курицей, подпрыгивая на кривых ногах, сипло кричал:

— Опять Потупчикову куру кормишь, старая! Вот я ее, дрянь такую, в борщ!

Пронзительно кудахтая, курица взлетела на огород, заметалась между сухими картофельными кустами.

Дед остановился, тяжело дыша: навстречу ему по огороду шел человек. Он был невысок, коренаст, сед, осторожно переступал пыльными сапогами через картофельные кусты.

Дед ладонью смахнул с морщин пот, торопливо вытер ее о штанину, протянул человеку руку:

— Здравствуйте, Арсений Игнатьевич!

— Доброго здоровья... — Голос у Кулуканова низкий, спокойный, но в желтых глазах чуть заметная тревога, и на всем его широкоскулом лице с острой бородкой непривычная бледность, то ли от бессонницы, то ли от усталости.

— Что рано поднялись, Арсений Игнатьевич?

— Дело, Серега, есть. Пойдем в избу.

Пошли в избу. Кулуканов кивнул бабке, снял картуз, перекрестил лысоватую голову. Сел в угол под темной деревянной божницей, за которой торчали ножи и вилки; издавна служили эти иконы вместо шкафа.

— Позови Данилу.

Данила явился заспанный, длинно зевал.

— Садись. — Гость неторопливо достал из пиджака газетный лист с расплывшимися чернильными буквами.— Глядите — содрал сейчас с ворот...

Помолчали. Бабка непонимающе глядела на синие буквы, трясла головой. Она стояла над недоочищенной картошкой, с большим горбатым ножом в руках. На его лезвии густо белели царапины — следы от камня, о который его точили.

— Зажимщик хлеба! — Кулуканов скомкал лист, швырнул в сторону.— Когда-то Трофим приходил, кланялся: «Будь у сына крестным отцом». Согласился крестить. Кабы знал тогда, сам бы своими руками у попа в чашке утопил змееныша!

Данила сказал чуть слышно:

— Утопить никогда не поздно...

Гость сделал вид, что не расслышал, и продолжал глухо:

— У Силина закопанный хлеб нашли, а у Шитракова — оружие. Тоже он устроил — со своими босяками... И в стенгазете опозорил...— У Кулуканова задергалась щека, он потрогал ее пальцами.— Я к вам за помощью... Поможете?

Дед зашевелился:

— Чем можем, Арсений Игнатьевич.

— Так вот... Скоро ко мне придут имущество описывать, чтоб в колхоз передать...— Он вдруг поднялся, сжав губы, шумно задышал через нос.— Не дам проклятым! Ничего не дам! Спалю лучше! И хлеба не дам! Серега, вы с Данилой сегодня в сарае яму выкопайте. Незаметно чтоб... А ночью хлеб перевезем и зароем. У вас искать не станут.

Он тяжело опустился на скамью и, помедлив, прибавил:

— Треть хлеба возьмешь за это себе, Серега.

...Павла ночью разбудил плач Романа. Усталая мать крепко спала — не слышала. Павел спрыгнул с печи, поморщился: ныл обожженный затылок (матери об этом не сказал — не хотел тревожить).

Проснувшийся Роман сидел в деревянной кроватке. Павел присел рядом, укрыл брата одеялом, подумал: «Вырос как Ромка! Надо новую кровать строить». Он слегка покачал ее, замурлыкал:

Зыбаю, позыбаю,
Пошла бабка за рыбою,
Мать — пеленки полоскать,
А я — Рому унимать...
Аа... Аа...

Брат не унимался. Павел в сердцах запел погромче:

Зыбаю, позыбаю,
Пошла бабка за рыбою,
Мать — пеленки полоскать,
А я — за волосы таскать!

Роман заревел на всю избу. Павлу стало жалко братишку. Виновато склонился над кроватью:

— Ромочка, ну спи... Ну спи ж, братик...

Вскочила сонная мать.

— Ох, горе мое! Что же ты не скажешь?

— А он уж засыпает, маманька...

Роман умолк, едва мать прикоснулась к нему. Павел, зевая, отправился спать.

С печи Федя, свесившись, смотрел в окно.

— Чего ты?

— А вон, глянь, что там?

Над двором желтый месяц, и на земле от него светлые полосы. Прямо перед окном — забор деда Сереги. За забором двигаются чьи-то тени.

Павел шмыгнул к двери.

— Ты куда еще? — зашептала мать.

— Сейчас...

Неслышно спустился с крыльца, прильнул к щели забора.

Во дворе деда Сереги фыркают лошади. Трое — дед Серега, Данила, Кулуканов — снимают с ходка полные мешки, торопливо носят в сарай. Бабка Ксения копошится у ворот, никак не может справиться с засовом.

— Паш, а кони-то кулукановские,— слышит Павел шепот за спиной.

Оглянулся — рядом Федя вытягивается на цыпочках.

— Чего ты пришел?

— А ты побежал, и я тоже...

— Ладно, ладно, ступай спать.

Федя послушно уходит. Павел всматривается. Что бы там могло быть? Прячут зерно в яму. У деда столько хлеба нет. Ясно — зерно кулукановское. Вот гады! Сгноить хотят!

Данила возвращается из сарая с пустыми руками, останавливается, будто в раздумье, и вдруг делает скачок к забору.

— Подглядываешь, коммунист! — Грохоча досками, он взлетает над забором.

Но Павел уже исчез.

Дед Серега и Кулуканов недвижно стоят посреди двора, расставив ноги.

— Кто? — бормочет дед.

— Пашка!

Кулуканов срывается с места, хватает деда Серегу руками, трясет. Голос у него шипит, прерывается:

— Если какого уполномоченного из района присылают, не страшно: уедет сам. А тут свои глаза! Под боком! От них никуда не скроешься!

Дед не двигается.

— Слышишь, Серега?

Дед говорит тихо и четко:

— Убью!..

Все молчат. Лишь бабка Ксения что-то шепчет и крестится. Кулуканов наклоняется к Даниле:

— Я тебе давал... и еще дам... Выследить его надо... и конец!

...Днем комиссия из сельсовета во главе с Потупчиком сделала обыск во дворе деда. Хлеб был найден. В сарае нашли и кулукановский ходок.

Глава X

3 СЕНТЯБРЯ 1932 ГОДА

На болоте созрела клюква. Стайками и в одиночку на болото бегали герасимовские ребятишки, возвращались с полными кошелками и оскоминой на зубах.

Среди дня Павел и Федя собрались по ягоды. Сначала зашли за Яковом. Его не оказалось дома. Потом заглянули к Потупчику. Мотя лежала на кровати, кряхтела.

— Чего ты?

— Живот болит,— призналась она горестно, — объелась клюквы...

— А ты б не ела много,— усмехнулся Павел.

— Так она ж вкусная, с сахаром.

Он махнул рукой.

— Идем сами, Федя?

— Идем! — обрадовался брат.— Давай только мешок дома возьмем.

Вышли на улицу. Павлу было весело, и он предложил Феде:

— Бежим наперегонки, братко?

Федя нерешительно взглянул на него:

— Ты все равно перегонишь.

— А ты попробуй!

Он нарочно дал себя обогнать, и Федя, торжествующий, влетел во двор.

— Маманька, я его обогнал! Дай мешок.

Мать понимающе подмигнула Павлу.

— Быстрый стал ты, Федюшка! Допоздна только не ходите, ребятки.

— Мы в Тонкую Гривку махнем,— пошутил Павел,— и у тетки переночуем.

— Вот я вам махну! — погрозила она пальцем.

По-осеннему сквозил лес. В воздухе вилась шелковая паутина.

...Запыхавшийся Данила прибежал в избу к деду:

— Ушел на болото... За клюквой...

Дед торопливо заходил по комнате, бормоча что-то. Потом остановился, словно устал.

— Данила,— сказал он тихо,— дай его...

— Кого? — так же тихо спросил Данила.

— Нож.

Данила долго не мог вытащить нож из-за божницы: у него тряслись руки. Наконец выдернул. Дед яростно замахал руками, зашипел:

— Да не этот! Тот, горбатый!

И, не дождавшись, сам выхватил нож из-за иконы.

— Возьми.

Данила стучал зубами:

— Он... не один пошел...

— С кем?

— С Федькой. Выдаст...

Дед вздрогнул.

— Обоих! Ну, ступай же! Чего стал, собачий сын?! Стой! Я с тобой пойду...

Бабка Ксения смотрела вслед и крестилась.

...Усталые мальчики возвращались домой. Федя всю дорогу оживленно тараторил о всякой всячине. Павел шел, задумавшись, отвечал рассеянно.

— Паш, а кто быстрей, волк или заяц?

— Волк, наверное.

— Паш, а когда у вас пионерские галстуки будут?

— Да вот Зоя Александровна обещала в этом году привезти.

В березовых зарослях, где разветвляется тропинка, увидели вдруг деда Серегу и Данилу. Павел задержал шаг.

— Паш... Данила драться не полезет? — тревожно спросил Федя.

— Побоится при деде.— Павел всматривался вперед.— А ты иди сзади, отстань шагов на десять.

Он медленно приближался к старику.

— Набрали ягод, внучек? — Голос у деда сиплый, ласковый.

— Ага.

— Ну-ка, покажь... Хватит на деда дуться-то...

Павел обрадованно заулыбался, снял с плеча мешок.

— Да я не дуюсь, дедуня... Смотри, какая клюква. Крупная!

Он открыл мешок, поднял на деда глаза и отшатнулся: серое лицо старика было искажено ненавистью.

— Дедуня, пусти руку... Больно!

Тут мальчик увидел в другой руке деда нож, рванулся, закричал:

— Федя, братко, беги! Беги, братко!..

Данила тремя прыжками догнал Федю...

* * *

На третий день искать братьев в лес пошла вся деревня. Шли цепью, шумя кустами и ветками, тревожно перекликались.

Тихо и пусто в желтом, осеннем лесу.

Мотя бежит мимо осыпающихся осин и берез, мимо колючих елей, ноги утопают в шуршащих листьях. Рядом скачет мохнатый Кусака.

— Ищи, Кусака, ищи...

Пес виляет хвостом, смотрит на девочку добрыми глазами.

Она на секунду останавливается, озираясь, облизывает сухие губы и снова бежит, бежит... Сколько она уже бежит? Час? Два?

Нет, с ними ничего не случилось. Они у тетки в Тонкой Гривке.

Но почему же мать говорит, что их там нет?

— Ищи, Кусака, ищи!

Но Кусаки нет. Где пес?

И тут доносится до нее гулкий собачий лай, от которого, кажется, сердце перестает биться и сразу делается холодно.

Задыхаясь, она летит на этот страшный вой, раздвигает кусты. Вот...

Мешок, рассыпанные ягоды. И кровь на желтых листьях.

Павел лежал на них, разбросав руки.

В отдалении, зарывшись лицом в валежник, лежал маленький Федя.

Запрокинув голову, Мотя бросилась прочь от этого места. Из широко открытого рта вырвался длинный стонущий крик:

— А-а-а...

Все остальное было, как в дыму. Она не видела и не слышала, как вынесли из леса тела убитых, как вели в сельсовет упирающегося Данилу, как Данила, заикаясь, бормотал что-то о Кулуканове, о деде...

Потом задыхающийся рыжебородый Василий Потупчик приволок в сельсовет бледного Кулуканова.

Одергивая дрожащими руками поддевку и презрительно глядя на Данилу и деда, Кулуканов проговорил в тишине:

— Не так сработали... Нужно было в болоте под колоду... тогда б и ворону костей не сыскать!

Глава XI

У МАТЕРИ

Шел снег, заметая лес и деревню.

Ветер стучал калиткой, шипел в трубе. Татьяна не слышала его. Металась в постели, и губы шептали в бреду:

— Дети... Паша... Федя...

У постели по очереди дежурили соседки, ухаживали за Романом. В избе было тепло, пахло лекарствами.

Как-то Татьяна открыла глаза. Над ней кто-то заботливо склонялся, укутывал одеялом. Она слабо отстранила его, спросила:

— Какой месяц?

— Декабрь.

Она приподняла голову:

— А что... сделали тем?

— Их больше нет...

Татьяна встала, прошла по избе. Роман спал, посапывая.

Она подошла к окну, за которым голубел в сумерках снег. Наискось от окна стоит высокий дом с резными воротами. Там жил Кулуканов. Татьяна всматривалась недвижными глазами в красную вывеску над воротами, разбирала по слогам: «Правление колхоза имени братьев Морозовых».

Глаза заволокло темнотой; не вскрикнув, она тяжело упала на пол.

Скоро ей стало лучше. И однажды в яркий морозный день к ней пришли школьники. Они входили в избу, окруженные холодом и паром, тихие и торжественные. Среди них стояла учительница, молоденькая, ласковая, взволнованная.

Яков и Мотя приблизились к матери. Глотнув воздуху, Яков проговорил тихо:

— Тетя Таня... мы... мы... это самое...

Больше он ничего не сказал.

Потом заговорила Зоя Александровна. Торопясь и сбиваясь, учительница рассказывала о том, что дорогое имя пионера Павлика Морозова стало известно всей стране, что она, мать, не осталась забытой в своем горе и правительство назначило ей пожизненную персональную пенсию. И что ей предлагают поселиться в солнечном Крыму, у Черного моря, чтобы поправить свое здоровье.

Мать не слышала ее слов. Она смотрела в озабоченные и родные лица всех этих молчавших ребят, и ей вдруг жгуче захотелось прижать их всех к своему сердцу.

Учительница, волнуясь, говорила о гордости за Татьяну, за всю Герасимовку, в которой вырос такой отважный мальчик, о том, что миллионы советских ребят будут всегда

стремиться быть такими же честными и преданными сынами Родины.

Мать машинально повторила это слово:

— Сынами...

Она вдруг горячо задышала, подошла к ним, протягивая дрожащие руки.

— Ребятишки... родные мои...

Глава XII

ПИСЬМО С ФРОНТА

Домик стоит на горе, окруженный зелеными кипарисами. Высокие, тонкие и стройные, они поднялись вокруг домика, словно безмолвные и торжественные сторожа.

Из окна между кипарисами видно синее море. На его бескрайнем просторе вспыхивают и гаснут язычками белого пламени вспененные волны. Шум прибоя слабо доносится в открытую форточку.

У окна стоит седая женщина. В руке у нее — только что полученное письмо. Не распечатывая его, она долго и взволнованно смотрит на голубой конверт, будто силясь увидеть того, кем написаны слова этого адреса: «Крым, Алупка, Севастопольская улица, № 4, Татьяне Семеновне Морозовой».

Наконец она вскрывает конверт:

«25 октября 1944 года. Восточная Пруссия.

Родная! Сегодня после боя получил весточку от тебя. Как хорошо, что ты, моя старенькая, снова вернулась в освобожденный Крым, к морю, к солнцу! Боюсь только, что ты будешь тосковать там одна без меня, без герасимовских друзей. Но ведь теперь мы скоро будем снова вместе. Ведь победа наша совсем, совсем близка!

Дорогая, любимая мама! Свершилось!

Наша армия идет по земле врага. Мы шли через море слез и горя, освобождая родную советскую землю. И мы пришли сюда.

Как мы рвались вперед!

Сегодня на рассвете мы под огнем форсировали одну реку.

Сначала на вражеский берег перебралась группа автоматчиков. Она закрепилась на маленьком участке. Чтобы умножить ее силы, нужно было переправить артиллерию.

И тогда я, как командир небольшого орудия, попросил разрешения переправиться первым. Мы погрузили нашу пушку и запас снарядов на понтон и стали грести.

Посреди реки нас обнаружили немцы и открыли огонь.

От взрывов вода кругом поднималась столбами и падала на нас. Я крикнул своим ребятам, чтобы они на всякий случай разделились, если придется вплавь добираться до суши.

Когда до берега осталось несколько метров, осколком снаряда пробило понтон.

Андрей Чубарь — тот самый высокий, плечистый украинец, о котором я тебе уже писал раньше, — первый прыгнул в ледяную воду, несмотря на то, что был ранен в ногу. К счастью, это было неглубокое место, и он сумел плечом поддержать понтон. Мы на руках вынесли пушку и оборудовали огневую позицию.

Скоро к месту переправы двинулись фашистские танки. Мы били по ним с расстояния 200 метров, и почти ни один наш снаряд не пропал зря. В этом бою мой расчет уничтожил пять фашистских танков.

Еще мне хочется рассказать тебе об одном случае, который так взволновал меня сегодня.

Андрей Чубарь в моем расчете недавно, и поэтому он не знал, что я — брат Паши. И вот, перевязывая час назад рану Андрея, я обнаружил в его сапоге, между стопкой писем и документов, аккуратно вырезанный из старой газеты портрет Паши. Это было так неожиданно, что я даже вздрогнул.

«Зачем ты носишь этот снимок?» — спросил я.

Он помолчал и проговорил:

«Ты, товарищ старший сержант, был пионером?»

«Был»,— ответил я.

«Значит, ты должен знать, что такое пионерский салют: пять пальцев, поднятые над головой. Это значит, что общественные интересы пионер ставит выше своих личных интересов. Так вот, таким пионером и был этот мальчик. С детства он — мой самый любимый герой, и, между прочим, твой однофамилец, товарищ старший сержант. В тридцать втором году его убили враги Советской власти. Убили за то, что интересы Родины были для него выше всего.

Ты помоложе меня и, может, не знаешь этой истории, а я в то время сам был таким пионером, как он. И тогда на пионерском сборе, у себя на Украине, мы дали клятву всю жизнь быть такими, как уральский пионер Павлик Морозов».

Я ничего не сказал Андрею. Но ты подумай, дорогая моя мама, как это хорошо! Павла помнят.

Сейчас вечер. У разрушенного фольварка немецкого барона пишу я это письмо. Мы недолго пробудем здесь. Скоро снова вперед, в бой!

До свиданья, моя ненаглядная мама. Обнимаю тебя нежно и целую твои старые ласковые руки. До скорой встречи, родная!

Твой сын Роман Морозов».

...Она откладывает письмо и смотрит в окно на синеющее между кипарисами море.

А под окном, на шоссе, звенят детские голоса. Это школьники Алупки возвращаются домой. Целая гурьба остановилась у домика. Дети улыбаются, машут ей руками:

— Здравствуйте, Татьяна Семеновна!

— Добрый день, дорогая Татьяна Семеновна!

Она улыбается им в ответ, поднимает для приветствия руку и незаметно смахивает набежавшую на щеку слезу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИБ № 420

ГУБАРЕВ Виталий Георгиевич

ПАВЛИК МОРОЗОВ

Для среднего школьного возраста

Редактор И. Козловская. Художественный редактор Б. Лупачев. Технический редактор Г. Заркова. Корректор Г. Ульченко. Сдано в набор 8.IX 1977 г. Подписано к печати 29.XI 1977 г. Формат 60×84 1/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 3,255. Уч.-изд. л. 2,981. Заказ № 9531. Тираж 200000 экз. Цена 25 коп. Алтайское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — Барнаул, Ленина, 76. Типография изд-ва «Омская правда» — Омск, К. Маркса, 39.

25 коп.